

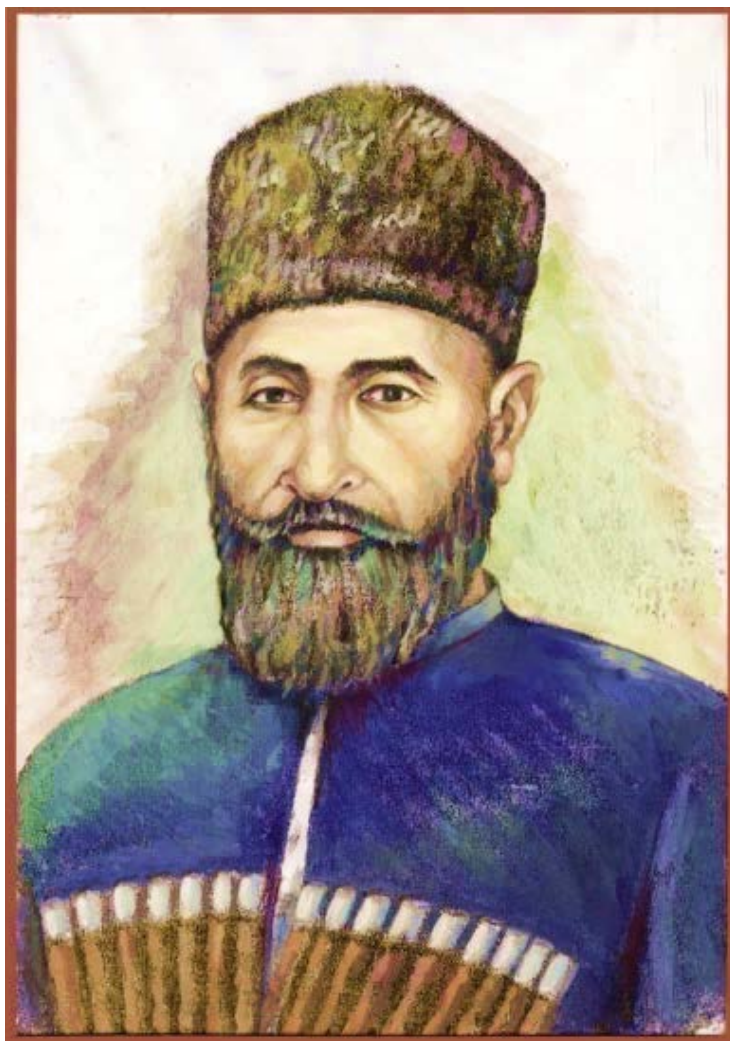
Шалум Шалумов

**У ПОПРАННОЙ
ИСТИНЫ
НЕТ СРОКА
ДАВНОСТИ**

Страна, забывшая свою культуру, историю, традиции и национальных героев – обречена на вымирание.

Лев Толстой.

Мардахай Овшолум Сибири (Сибирский)
1860-1925

Шалум Шалумов

У попранной истины
нет срока давности

Sholumi

Центр сохранения и развития национальных традиций, самобытности языка,
культурного и исторического наследия горских евреев

מרכז יוצאי אזור בייג'ן «אזיז»

Israel, 2023

Центр «Sholumi» выражает благодарность
Международному благотворительному
Фонду СТМЭГИ за содействие в подготовке
к изданию этой книги.

Шалум Шалумов. У поправной истины нет срока давности.

Руководитель издательского проекта: *Шауль Симан-Тов*.

Сборник подготовлен к изданию Центром сохранения и развития национальных традиций, самобытности языка, культурного и исторического наследия горских евреев «Sholumi» при содействии Международного Фонда СТМЭГИ. Выпущено Международной ассоциацией Израиль-Азербайджан «АЗИЗ».

Данное исследовательское эссе Шалума Шалумова является аргументированно осмысленным дополнением его прежнего исследования: «Возвращаясь к истокам... или «Шила в мешке не утаишь» 2017г. Оно обосновано новыми архивными материалами, многие из которых не известны широкому кругу читателей. В нём документально и логически ясно прослеживается реальная причина, во имя чего первый советский татский Лидер г. Дербента изъял досоветскую литературу из истории своего народа, предав забвению имена её Основателей – «созвездия авторов письменной культуры горских евреев 90-х гг. XIX и начала XX века». А также о пагубных рецидивах «татизации» и их последствий для будущих поколений горских евреев.

ISBN 978-965-7783-22-1

© מרכז יוצאי אורבייג'ו «אזיז». 2023

Обращение к читателю.

Возможно, данная работа звучит резким диссонансом всему тому, чем в реалиях сегодняшнего дня озабочены мои соплеменники. Возможно, им не до какой-то там когда-то кем-то «попранной истины». Но не сказать о том, о чём, как видно, уже никто другой не скажет, значит оставить одну из основополагающих страниц нашей истории закрытой, может быть, навсегда. Питаю надежду, что интерес к утраченному культурному наследию и истории развития первых советских лет горских евреев, в свете изречения великого русского писателя Льва Толстого, приведённого в начале данного исследования, не оставит безучастным уважаемого читателя.

Шалум Шалумов.

У попоранной истины нет срока давности

*Нам больно жить на лживой груди,
Которая так много лет
Своим молчанием в испуге
Двойного света видит свет¹.*

«Мардахай Овшолум в созвездии авторов письменной культуры горских евреев 90-х гг. XIX и начала XX в.». Именно так «пафосно», по выражению к. ф. н., ст. науч. сотр. ИЯЛИ ДНЦ РАН Г. Б. Мусахановой Письмом-отзывом² от 2010 г. на книгу Ш. Шалумова «Легендарный Мардахай Овшолум Сибири (1860-1925)» («Мирвори», Израиль, 2009 г.), предлагалось озаглавить свою будущую работу, что, конечно бы, и исполнил, отдавая дань памяти Первой выдающейся горско-еврейской женщине учёной-историку дагестанской литературы. Но, увы! Возможно, Галина Беньяминовна располагала какими-то материалами о творческой деятельности Поэтов, о которых так восторженно писала в указанном «Письме» на стр. 11³: «Вместе они представляют золотой фонд нашей культуры! И какие разные таланты! Для меня святы их

¹ Эпиграфы, использованные в оглавлениях статьи, взяты из поэмы Асафа Мушаилова – «Песнь о Мардахае Овшолуме Сибири».

² «Письмо-отзыв» Г.Б. Мусахановой хранится в Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме. Желавшие ознакомиться с текстом «Письма-отзыва» также смогут на сайте СТМЭГИ в рубрике «Рукописи»: stmegi.com/library/manuscripts/.

³ Там же.

имена! Ведь потом все они будут вычеркнуты из нашей истории. Поэзия будет развиваться в русле политических агиток и призывов!». К сожалению, после смерти нашего Литературоведа судьба её богатейшего архива не известна и какие-либо иные источники об их творчестве вряд ли сохранились.

На сегодня из этого «созвездия авторов» сохранились в народной памяти сведения только о двоих до-советских Первых Поэтах – это Мардахай Овшолум Сибири и Шоул Симанду. По судьбам каждого из них по-разному, но одинаково безжалостно, прошли «реформаторы» истории нашего народа, решавшие свои личные проблемы за счёт их судеб. Поэтому здесь мы можем говорить только о них и о драматической судьбе так и не состоявшейся горско-еврейской досоветской литературы, одного из важнейших сегментов её духовной культуры, повязанной хитросплетениями реформаторов горско-еврейской истории с татизацией иудейского этноса. Жаль, конечно, что эти вопросы не были обсуждены в своё время, когда после падения советской власти, в «свете нового мышления» Г.Б. Мусаханова впервые осветила их в своей книге «Татская литература. 1917-1991 гг.». Но, ведь, всегда считалось: лучше поздно, чем никогда.

И было бы желательно, чтобы вопросы, касающиеся истоков досоветской литературы, обсуждали более сведущие специалисты из среды филологов и историков нашей народности. Но, судя по всему, если никто этого до сих пор не сделал, то вряд ли теперь кто-нибудь займётся этим важнейшим для нас вопросом, особенно в реалиях разбросанности по всему миру горско-еврейского народа. Осознание необходи-

мости работы над восстановлением исторической справедливости, как бы она не казалось запоздалой, могут принести желаемые результаты и внесло бы свою лепту в стимулирование обеспечения сплочённости нашего малого народа на общих ценностях.

Поэтому, в надежде на снисходительность, взяв на себя риски быть непонятым конъюнктурой времени, в меру своих скромных возможностей начать этот крайне безотлагательный разговор о судьбе досоветской литературы. А досоветская литература – это и есть то самое «созвездие Первых Поэтов», в числе которых наш Литературовед посвящает своё 28-ми страничное Письмо-отзыв одному из них – Мардахая Овшолуму Сибири, замечательному представителю своего народа, трагическая судьба которого волей Первого советского коммунистического Лидера горских евреев города Дербента и одного из ведущих авторов «татизации» еврейского этноса – Ехиила Мататова, позже окончательно завершённая его бессменным последователем Х. Авшалумовым, до самого конца существования советской власти была подвергнута столь несправедному остракизму, *в дальнейшем ставшая главным камнем преткновения их притязаний.*

Время размывает даже острейшие углы человеческих взаимоотношений, или, по крайней мере, отупляет их остроту. Но остаточные явления указанного остракизма в отношении Мардахая Овшолума, заданный в начале XX века его недоброжелателями, не ослабевает и поныне. Небольшая часть их сторонников из того небольшого количества горских евреев, то бишь – татов, проживающих в Дербенте, до сего дня не позволяют себе расслабиться, включившись в ряды

потомственного неприятия своего именитого земляка. Казалось бы, уже в наше время, когда стало общеизвестно, как бы они не скрывали от мировой горско-еврейской общественности, что творчество Мардахая Овшолума, наряду с творчеством Основоположников литератур других дагестанских народов, изучается учениками кумыкских образовательных школ Дагестана и Чечни, не должно было бы оставаться места такому упёртому неприятию, демонстрируемому ими. Но они, видимо, не в силах отступить от идеологических принципов своих прежних наставников, на ниве которых благоденствуют поныне. На что они ещё уповают? Что ими движет? Не ослабевающая генетическая память о деяниях защитника простого труженника от произвола зарвавшихся беков? Или ожидание реванша в нашем изменчивом антисемитском мире? Или всё-таки вседозволенность? Грустнее всего, если действительно только из-за банальных предпочтений...

Нет более запретных тем из прошлого, которых нельзя было бы сегодня затронуть. Но, как видно из настоящего положения дел, горско-еврейская ментальность так и не дозрела до расчищения завалов подтасовок нашей истории и хранит молчание по этому поводу. Плоды её и сегодня отчётливо живучи во всех странах проживания горских евреев, в которых соблазн к привычным татизациям может возрастать не столько от взаимодействий с антисемитским окружением, сколько от указанных умолчаний. Заниматься этим необходимо хотя бы для того, чтобы, называя вещи своими именами, перед лицом изменчивого еврейского мира, вновь не оказаться в ситуации реци-

дива этноцида, чем по сути и являются подобные татизации и уничтожения собственного культурного наследия горсткой интересантов, безжалостно уничтоживших свой малый беззащитный и без того униженный принадлежностью к иудейской религии, самый бедный и гонимый этнос среди других дагестанских народов начала XX века. Чтобы вновь не оказаться в ситуации новомодного обвинения нынешними потомками в коллаборационизме своего народа кого угодно, кроме самых их авторов, что само по себе является опасным прецедентом. В эти ростки очередных небывлиц, ориентированных на реабилитацию авторов татизации горско-еврейского народа, необходимо сразу, в самом зачатке, вносить ясность, чтобы не становились привычными поводами для появления новых подобных «реформаторов».

Не стоит заблуждаться и результатами пристрастных допросов Мамедбекова Керима НКВД и УГБ Дербента, тем более образца 1938 года. Да и понятие «татизма» к нам пришло не из среды большевистского руководства Дагестана, или ещё откуда-либо извне. Он стал «нашим достоянием», как известно, ещё до революции, когда Мамедбеков Керим, обвинённый этой властью в буржуазном национализме, или только что созданный НИИ ДНЦ РАН, «ещё рядом не стояли»⁴.

Нет более правомочного документа, которым можно было бы противопоставить провозглашение горских евреев как еврейский субэтнос, чем в известной цитате И. Сталина, где, перечисляя различные ев-

⁴ Д. Рамазанова. «Из истории горских евреев Дагестана. 1920-1930 гг.», стр. 14-16.

рейские общины, он говорит и о горских евреях, как об одном из еврейском субэтнотипе⁵. То, чего до конца не успел довести Е. Мататов, только после смерти вождя смог завершить Х. Авшалумов.

Казалось бы, о «татизации» горских евреев так много говорено и написано, что нет необходимости ещё чего-либо добавлять. Однако, без упоминания «татизации» здесь не обойтись, так как и досоветская литературная культура, и его носители тесно переплетены с ней своей печальной судьбой. По статистике не раз менявшейся терминологии для обозначения горских евреев из книги Д.Ш. Рамазановой: «Из истории горских евреев Дагестана 1920-1930 г.» видно, что если бы изменение терминологии нашей идентичности была целью общесоюзных или республиканских властей, а не его действительных горско-еврейских авторов, то дело по татизации нашего народа решилось бы ими сразу, раз и навсегда, как коммунистические власти умели всё делать, кромсая всё на своём пути, а не продвигалось бы с таким скрипом в течении долгих десятилетий с переменным успехом для его реформаторов. Ссылка на «народное противостояние» здесь если и уместна, то достаточно слаба, так как на том цивилизационном уровне, на котором исторически пребывал наш народ, не было принято противостоять главам своих общин, тем более боевому революционному Лидеру новой советской власти. Это центральные власти противостояли нашим реформаторам, пока не находились «извне» не-

⁵ И. Сталин. «Марксизм и национальный вопрос». Москва, 1946 г., стр. 12-19.

кие антисемитские элементы, вносившие свои лепты. Старшее поколение ещё помнит тех, кто собирал и возглавлял организованные походы в городские органы КГБ и КПСС Дербента с делегациями одуроченных соплеменников с просьбой вывести их из еврейства и узаконить за ними татское, т. е., мусульманское происхождение. И что интересно, некоторые из них, особенно самые активные сподвижники татизма, и сегодня на верху фаворы. Теперь они в первых рядах тех, кто якобы радеют за нашу горско-еврейскую самоидентичность и сохранения языка джуури. Как говорить, раньше они радели в профиль, а теперь радеют в фас. Это они и их подручные систематически щедро унавоживали почву для вышеназванных органов и для особо оголтелых антисемитов «извне», подобных нижеуказанному доценту.

*1994 г. И.Б. Гаджиев, учёный,
доцент кафедры истории ДГУ.
Статья «Ветеран татской культуры»⁶.*

«Прекрасный знаток героического прошлого своего малочисленного народа, его обычаев, нравов, культуры Е. Мататов является одним из инициаторов того, чтобы татов-иудаистов называли в Конституции и в других актах гражданского состояния не по географически религиозному признаку как при царизме, а по национально языковому признаку – татами.

⁶ Газета «Ватан» от 16 сентября, Дербент.

Таты в прошлом были народом сплошной неграмотности. У них не было своей письменности и письменной литературы. Е. Мататов играл ведущую роль в создании татской письменности».

Единственно в чём прав этот учёный, что таты, в отличие от горских евреев, действительно своей письменности не имели. Судя по тому, как Е. Мататова, не имевшего ни моральных, ни образовательных полномочий на подобные «учёные выводы» (в графе образование у него указано: «самообразование»), со знанием дела характеризует и, что интересно, восхваляет уже после распада советской власти, вышеозначенный учёный, спеша не упустить за евреями мусульманское происхождение. Такое усердие за евреев может означать только одно: недалёковидность зашкаливающего антисемитизма этого господина. Очевидно, что гнилые семена его воодушевления могли быть возвращены только на удобренной горско-еврейскими «реформаторами» почве. Вряд ли и этот учёный, из числа пособников подобных «преобразователей» горско-еврейской идентичности, самостоятельно осмелился бы додуматься до такого антисемитского «вывода».

Возможно и сегодня актуально предложение, сделанное в:

*2001 г. Г.Б. Мусахановой в рукописи
«Обретения и потери в изучении истории
горских евреев», стр. 12⁷.*

«Теперь, когда наши политики и государственные деятели, многие коммунисты и атеисты, демократы и публицисты, как и многие исследователи пересмотрели свои ложные, порой иллюзорные взгляды или заблуждения, а кто-то и кается, что способствовал, не ведая того, утверждению мифов и миражей, не мешало бы и нашим неистовым оппонентам взамен искажения Истины о нашем народе, осознать всю вину перед ним: путь к покаянию и очищению никому не заказан».

Но в состоянии ли возможное раскаяние остановить ассимиляционную эпидемию народа, прежде вкусившего плодов искуса избавления от антисемитизма – большой вопрос.

⁷ <https://stmegi.com/library/manuscripts/obreteniya-i-poteri-v-izuchenii-istorii-gorskikh-evreev/>, стр. 12.

* * *

*А время, плившее над миром
Неясным голосом теней,
Сегодня слышит его лиру –
Певца свободы и страстей.*

Эпоха бурных исторических процессов рубежа XIX и XX веков явилась следствием появления на литературной арене поэтов-певцов из простого народа, зачинателей литературных культур многонационального Дагестана и, в т. ч., наивысшего подъёма письменной и литературной культуры горских евреев. Все народы Дагестана определились с истоками своих досоветских литератур, публично объявив их имена, а первые коммунистические лидеры татов (горских евреев), *игнорируя культурно-исторические предпосылки времени, общие для развития литератур всех дагестанских народов*, в том числе, и нашего, посчитали возможным отвергнуть дореволюционную литературную культуру горских евреев с всеми именами её зачинателей, таких, как: Мардахай Овшолум (1860-1925), Шоул Симанду (1855-1939), Айболо из Тарки, Хизгия Амин, Хаим бен Новах, Хонголи Ифраимов, обрекая их на полное забвение. И как результат: на сегодня утрачено творческое наследие практически всех этих народных самородков, представлявших по выражению Г. Мусахановой: «...золотой фонд нашей культуры»!

В результате разрушительных реформ наших Лидеров о поэтических наследиях Поэтов из «созвездия авторов письменной культуры горских евреев 90-х годов XIX и начала XX века» вряд ли сегодня можно что-то сказать, кроме известного фразеологизма: «блестящее созвездие неповторимых индивидуальностей!». Из творческого наследия этого «созвездия» ничего, кроме имён, не сохранилось и кроме как о творчестве двоих из них – Шоула Симанду и Мардахая Овшолума, собственно, говорить здесь, к сожалению, теперь не о ком.

О трагической судьбе и творчестве Поэта-бунтаря Мардахая Овшолума Сибири, имя которого в советское время было под запретом у татских Лидеров Дербента, всё же нашими писателями изредка официально публиковались статьи и очерки о его героических деяниях. Так же изредка в печать, несмотря ни на какие запреты, пробивались и его стихи-песни. В последние годы популяризация имени и творчества Мардахая Овшолума активно возродилась. О нём написаны книги, опубликованы статьи и очерки, поэмы, ему посвящаются различные видео записи, стихи и многое другое. Поистине, народная память теснит историю, преодолевая забвение!

В связи с этим представляется весьма показательной представленная ниже цитата из филологического исследования Академика РАН, и вряд ли компетентный читатель из числа представителей нашей народа останется равнодушным к его содержанию.

1990 г. Г.Г. Гамзатов, советский
и российский литературовед и фольклорист,
д.ф.н., Академик РАН. «Дагестан.
Историко-литературный процесс»⁸.

«Реальная картина такова, что XIX и начало XX вв. Дагестана представлены неповторимым богатством и многообразием гуманистического художественного наследия, огромным множеством прославленных поэтов и признанных мыслителей, принадлежащих...к революционно-демократическому и освободительному этапам художественного сознания. Не укладывается под крышу средневековья многокрасочное поэтическое наследие блестящего созвездия ярких талантов, сильных личностей, сложных судеб – Омарла Батырая и Йырчи Казака, Етима Эмина и Махмуда из Кахаб-Росо. Г. Цадасы и Сулеймана Стальского, которое прочно и навсегда вошло в литературную классику многонационального Дагестана, стало духовным достоянием людей и деятельно участвует в синтезе современной художественной культуры».

Как видим, представителя одного из официально объявленных первых пяти литературных языков наро-

⁸ Г.Г. Гамзатов «Дагестан. Историко-литературный процесс». Стр. 9.

дов Дагестана, в указанном типологическом ряду «блестящего созвездия ярких талантов», татского (горско-еврейского) поэта в этом списке нет. Кумыкский, лезгинский, аварский и даргинский – есть, а нашего – пятого – татского (или горско-еврейского) нет. И не потому, что такового представителя не было в нашем народе или не был достоин находиться в указанном ряду, а единственно потому, что этого не захотел Е. Мататов. Следуя общечеловеческим нормам, мы понимаем, что ни один Лидер не пожелает специально ущемить культурологические достижения своего народа. Наоборот, сделает всё, чтобы его представитель оказался в этом ряду. Но, если наш этого не сделал, а самолично уничтожил единственное культурное достижение своего народа, то это значит, что тому должна была быть очень веская причина, в которой нам и предстоит разобраться.

В нашем народе изначально сложился некий принцип недопустимости публичной критики, негативного обсуждения допущенных волонтарных, нежелательных для общего блага, событий, что возможно предпочтительней для духовного здоровья небольшого народа. Но если *когда-то поправная Истина* настолько очевидна и вопиюща и, вместо осмысления очевидного факта, до сих пор остаётся без изменения, то не говорить о ней, *не называя вещи своими именами*, даже с учётом особенности нашей общинной ментальности, невозможно, как бы это не резонировало существующей «этике». Никаких целей, кроме исследования причин принудительного забвения имени Мардахая Овшолума, повлекшее за собой забвение других имён Первых Поэтов, а в целом и всей досоветской литературной культуры нашего народа,

автором этих строк не преследуется. А если автор, как доказательной необходимостью вынужден пользоваться некоторыми чувствительными конкретностями, то, конечно же, ни о каких сатисфакциях или прочих подобных глупостях здесь речи нет и быть не может. В той эпохе наши предки жили в своих социальных взаимодействиях и к событиям прошедших эпох их потомки никак не причастны и в претензиях друг перед другом быть не могут.

Понятно, что деятельность наших Первых Лидеров не ограничивалась только одним отрицанием горско-еврейской письменности, досоветской литературной культуры и её Истоков. Это отдельная серьёзная тема по бесосновательному лишению ими нашего народного достояния, и продолжать оставаться безучастными наблюдателями этого явления – не самая лучшая позиция.

Понятно и то, что Лидеры-Первопроходцы, строители новой советской жизни, вписали в историю своего многострадального народа много славных страниц, в том числе, во главе с Первым Революционным Лидером – Ехиилом Мататовым и его команды.

Отдавая дань благодарности и уважения их достижениям в социально-экономических и культурно-просветительских преобразованиях одного из самых беднейших народов Дагестана, прежде вымиравшего горско-еврейского этноса, забитого нищетой и бесправием царизма и первых тяжелых лет становления советской власти, вселяли в души простых людей надежду на лучшее будущее, которая в дальнейшем в корне изменила их облик. Прискорбно, что селекционный вал «большого террора» 1937-1938гг. не миновал и Ехиила Рувимовича Мататова (1988-1943) ...

* * *

*Никто обыкновенной речью
Не поддержал его за страх
Быть битым властью и во свете,
Не быть на «съездовских» балах.*

Уже закончилась эпоха татизации, и мы по-прежнему официально на международном уровне именуемся горскими евреями, говорящими на своём родном языке – джуури. Но, соблазн неискоренимо опасной ассимиляционной бациллы, внедрённый Е. Мататовым, а позже, Х. Авшалумовым в сознание своих соплеменников, продолжается поныне. И, пока существует в мире антисемитизм, эта неослабная пагуба, всё более мутируя, продолжит своё разрушительное действие и в будущих поколениях горского еврейства. Оставлять такие реально тревожные сценарии без должного внимания, значить ещё более усугубить ту-пиковую ситуацию.

И дореволюционная литература, как важнейшая часть духовной культуры нашего народа, формирующая его национальное самосознание, похоже, также остаётся без должного правового положения, без чего мы не можем занять принадлежащее нам по праву место в общей семье досоветских литературных культур дагестанских народов. А не менее достойное творчество наших Первых Поэтов не дополняют «блестящее созвездие ярких народных талантов», чтобы прочно «войти в литературную классику многонационального

Дагестана».

На сегодня сохранились произведения только двух досоветских Первых Поэтов. Это, как известно, сохранившиеся несколько стихов Шоула Симанду, записанных древнееврейским алфавитом на тюркско-азербайджанском языке, бывшим в той эпохе не только языком межнационального общения, но и языком, на котором писали свои произведения литераторы многих кавказских народов. Это и «две толстые тетради» стихов Мардахая Овшолума, загадочным образом утраченные, также записанные на тюркско-азербайджанском языке и тем же еврейским алфавитом. Должно быть, наши Первые Поэты записывали свои произведения еврейским алфавитом и на языке джуури, но то, что многие стихи Мардахая бытуют в народе и на родном языке – совершеннейший факт и множество примеров тому приводить здесь излишне.

Почему из немалого количества горско-еврейских имён досоветских Первых Поэтов в народе в основном говорят только об этих двоих Поэтах? Может потому, что они, как современники, своими произведениями были особо востребованы и популярны в народе? А ещё и потому, что имя первого, как Основоположника, озвучила сама власть во исполнение рекомендаций Первого съезда союза писателей Дагестана по определению истоков своих досоветских литератур, через которую прошли все дагестанские народы. Память о втором, несмотря на официальный прессинг, сохранила как высокая популярность его песен-стихов в народе, так, хотя и редкие, публикации их в печати. Неоспо-

римым показателем востребованности утраченных стихов Мардахая является беспрецедентный факт их сохранения для потомков горско-еврейскими поэтами и писателями, по *личным инициативам* переписавших их по памяти. Однако, ни истоков досоветской литературы, ни Шоула Симанду во главе них, ни отвергнутого Мардахая Овшолума среди ни татских, ни, тем более, дагестанских литераторов нет. Чем же не пришлось ко двору новой советской литературы наши Первые Поэты? Попробуем разобраться.

Итак, если каждое действие преследует свою цель, то естественно возникает вопрос: какую цель преследовали наши Лидеры, лишая свой народ истоков собственной досоветской литературы, обрекая на забвение имена и творчество Первых Поэтов, в т. ч., и таким иезуитским способом, когда «раз за разом изымались рукописи» стихов у семей авторов, чтобы не оставалось самих следов существования и рукописного, и литературного творчества для будущих поколений? Во имя какой цели это делалось? Так ли правомочны и целесообразны были их действия, служили нуждам народа и отвечали его благу, что позволили себе такой ценой вмешаться в ход развития его истории?

Предыстория определения истоков досоветских литературных культур малых народов Советского Союза, в т. ч., и дагестанских народов, такова: 17 августа 1934 г. состоялся Первый всесоюзный съезд советских писателей. (*Характерная примета времени*: после съезда в течение нескольких лет в Гулаге и тюрьмах

погибла одна треть участников – 182 человека, а 38 человек были репрессированы, но остались живы).

По инициативе М. Горького в повестку дня был включён вопрос о развитии национальных литератур и их взаимодействии с русской культурой. И. Сталин предложил народам выявлять свои литературные истоки и переводить их на русский язык... В июне того же года состоялся и Первый съезд дагестанских писателей, предложивший эти рекомендации своим малым народам. Это было жестокое время становления советской власти, с его невиданными преобразованиями на благо народа, и такими же невиданными жестокостями на путях строительства нового государства и личных властных прерогатив.

Это неоспоримая выписка из Википедии:

– 2023 г. Википедия:

«Татская письменность».

*В истории татской письменности
выделяются четыре этапа:*

*– 1870-е-1928 годы – письменность на
основе еврейского письма;*

*– 1928-1938 годы – письменность на
основе латинского алфавита;*

*– с 1938 года – письменность на основе
кириллицы;*

*– с начала 1990-х годов – попытки со-
здания письменности на латинской основе
в Азербайджане.*

А это выписка из статьи Ехиила Рувимовича:

1936 г. Е. Матамов.
Статья «Молодая литература
возрождённого народа»⁹.

«Своим возникновением и развитием татская (*горско-еврейская*) литература обязана Великой пролетарской революции. До этого *таты не имели своей письменности*. Но даже не имея её трудящиеся таты сложили в прошлом не мало песен и сказок о своей тяжёлой жизни. *Эти песни и сказки передавались из уст в уста, и этот богатый фольклор* только теперь собирается и систематизируется дагестанским институтом нац.культур.

– *В числе старших сказителей и поэтов татского народа надо отметить кустаря Шоул Симанду. За 80 лет своей жизни он сложил огромное количество стихов, главным образом о беспросветной жизни горско-еврейской бедноты и в особенности кустарей*».

– «Одним из главных препятствий в создании татской литературы является древнееврейский алфавит, который *не был доступен для трудящихся масс, и который не отвечал звуковому строению татского языка*».

⁹ Газета «Дагестанская правда» от 24 марта, 1936г. № 69 (4171).

И выписка из статьи его сына в самый канун крушения советской власти. Практически, один и тот же текст.

1990 г. Михаил Мататов.
Статья «Об истоках татской литературы»¹⁰.

«...Каковы истоки письменной татской литературы? К ним следует отнести устный народный фольклор и устное стихотворство народных ашугов и певцов, таких, как Шоул Симанду, Хизгия Эмин (Дадашев) и многих других. К сожалению, в виду отсутствия письменности этот богатый устный фольклор не был полностью собран и опубликован. Большую работу по сбору татского фольклора проделал за служ. работник культуры РСФСР Х. Авшалумов...».

В первом документе – констатация существования татской письменности в досоветское время, как *состоявшийся исторический факт*.

Во втором (и в третьем) – тоже констатация, но *сознательного извращения* нашими Лидерами истории развития досоветской литературной культуры и всего связанного с нею, как, впрочем, и истории происхождения нашего еврейского этноса. Тенденциозные постулаты Е. Мататова, ложные и бессмысленные по существу, как мантру, повторяли на протяжении

¹⁰ «Дагестанская правда» от 11 августа, 1990 г. № 185.

всего времени существования советской власти все его последующие соратники разных поколений, не заморачиваясь над смысловым содержанием их текстов, образцы которых здесь за ненадобностью приводить излишне. В чём же смысл его тезисов и чего он ими добивался?

1. «Таты до революции своей письменности не имели..., главное препятствие для создания татской (горско-еврейской) литературы является древнееврейский алфавит, который не был доступен для трудящихся масс, и который не отвечал звуковому строению татского языка».

Еврейским алфавитом у нас пользовались ещё задолго до наступления советской власти и это не было секретом и в то время. Являясь куратором и корреспондентом Дербентской газеты «Захматкеш», на начальном этапе выходившей на еврейском алфавите, видимо и сам Е. Мататов печатался в ней, записывая рабочую корреспонденцию этим самым древнееврейским алфавитом. Нет смысла приводить примеры применения в быту народом Книги еврейского алфавита и демонстрировать печатные издания середины XIX – начала XX века, – они все широко известны. Как не менее известно продолжение развития письменной традиции еврейским алфавитом нашими Первыми Поетами, которые своим творчеством осуществили «...настоящий творческий взлёт нашей письменной культуры!» (Г. Мусаханова, «Письмо-отзыв», стр. 11), или там же на стр. 3, где наш Литературовед также го-

ворит о Мардахае Овшолуме, «...обозначившего своим творчеством рождение новой письменной культуры горских евреев конца XIX – начала XX века, вплоть до 20-х советских годов».

До введения новых алфавитов все письменные народы Дагестана точно также пользовались религиозной арабской графикой письма. Если древнееврейский алфавит «не был доступен простому трудящему «тату» (горскому еврею) и не отвечал звуковому строению» его языка, то точно также должен был быть недоступен простому трудящему мусульманину его арабский алфавит. Как не могли быть доступны и любые другие алфавиты, тем более такие, как христианские: латиница и кириллица, этноязыковая специфика которых столь отдалена от фонетик восточных языков без соответствующей языковой интеграции с ними. А если древнееврейский алфавит не отвечал звуковому строению татского (джуури) языка, такого близкого к нему множеством ивритских слов, то разве звуковому строению какого-либо мусульманского языка, например, такого, как кумыкский, лезгинский, даргинский, аварский и т.д., произношения которых так резко разнятся, более отвечали звуковому строению арабского алфавита, если б он не был приспособлен под специфику своих родных языков? Лидерам дагестанских народов факт использования религиозного арабского алфавита не помешало определить истоки своих досоветских литератур и назвать имена их основоположников. Только всё, что надо было в данном случае, – это переписать произведения досоветских авторов на новой, естественно более рациональной и жизнеспособной кириллице, дававшей народу в перспективе

новой советской жизни неизмеримо большие возможности интеграции в глобальную советскую и мировую культуру, как и поступили все малые народы СССР. Все, кроме Е. Мататова!

Многие бесписьменные народы мира когда-то начинали свои литературные культуры на основе собственных религиозных график письма. Но вряд ли в истории человечества найдётся Лидер, который заявил бы, что его народу, уже испокон века успешно пользовавшемуся такой письменностью, недоступен его религиозный алфавит. Народу – доступно, уж если пользуется, а его Лидеру – нет.

Даже если предположить, что наш Лидер отказом от еврейской религиозной письменности хотел увести свой народ от антисемитизма, то и такое желание могло бы им использовано не иначе, как для прикрытия действительной причины, от которой была в прямой зависимости его собственная судьба. И не только его одного.

Еврейский алфавит не мог быть помехой и внедрению «татизации», так как термин «тат», как уже было отмечено, тогда уже широко официально применялся. Кроме всего, к тому времени было ясно, что «старорежимные» религиозные алфавиты и без чьих-либо стараний сами по себе «отменились» бы распоряжениями вышестоящих органов в соответствии с требованиями новых советских реалий. Так что, причина появления постулатов Е. Мататова не в сути их алогичных текстов. Ими их автор *маскировал определённый личностный фактор*, вынуждавший его отрицать очевидное.

2. *«В числе старших сказителей и поэтов татского народа надо отметить кустаря Шоул Симанду. За 80 лет своей жизни он сложил огромное количество стихов».*

Если автору цитаты «известно» об «огромном количестве стихов Шоула Симанду», то он не мог быть не знаком и с записями этих стихов древнееврейским алфавитом! Хотя бы через его сына, Александра Семендуева, своего молодого соратника и начинающего успешного поэта, «делегированного (им) в 1934 году на 1-й съезд Союза советских писателей Дагестана» («Звезда моя», А. Семендуев, стр. 6).

Е. Мататов, ссылаясь на «огромное количество стихов, сложенных за 80 лет Шоулом Симанду», формально обозначает его имя, как Главного среди «др. Однако дальше этого ничего не происходит. Приоритетно избранное имя, как и было задумано, так и остаётся формальным, без какой-либо содержательности, а собственноручно записанные стихи Первых Поэтов голословно относит к фольклору, вычёркивая тем самым их из рядов татских (горско-еврейских) литераторов. И как итог, налицо отсутствие публикации хотя бы одного стихотворения Шоула Симанду за всё время существования советской власти и последовательное изымание его записей стихов (подобно исчезнувшим стихам Мардахая Овшолума), о чём читаем в сборнике: Александра Семендуева (составитель младший сын Шоула Симанду – Геннадий Самендуев)

«Звезда моя»¹¹. 2001 г., стр. 28-29: «неоднократно... старший брат (т.е., Александр Семендуев – старший сын Ш. Симанду) отдавал его произведения для опубликования товарищам, так или иначе связанным с литературой. И каждый раз у них находились причины, чтоб не издать стихи и не вернуть подлинники. Так множество сочинений пропало безвозвратно... Спустя некоторое время эта записная книга с толстым переплётom исчезла из отцовского дома, конечно, не без участия злых невежественных людей, которые могут перекопать всю землю, чтобы вместо роз посадить чертополох...». Результат: ничего, кроме полного забвения, о чём наивно «смаковал» несколько ранее в 1991 году, Х. Авшалумов в своём «Предисловии» к сборнику А. Семендуева «Деврме»¹² («Моё время», стр. 61): «... несмотря на то, что Шоул Симанду был очень авторитетным и известным поэтом среди нашего народа, ещё до сих пор его произведения не печатались ни по поводу самого достойнейшего человека, ни о его поэзии нигде, хотя бы немного, не написано до сих пор. К сожалению, поэзия его в своё время не была полностью записана, собрана и сохранена, многие стихи его пропали...».

И это слова (заметим, странно звучащие...) бесменного руководителя татской секции союза писателей, от которого в советском тоталитаризме и зависело: кого печатать, кого нет. Что же теперь ему помешало опубликовать хотя бы те, которые якобы сохранились? Но опять же – ничего, кроме: «...имевшегося

¹¹ <https://stmegi.com/library/books/zvezda-moya-astarayme/>

¹² <https://stmegi.com/library/books/moe-vremya/>

мнения», что «стихи Шоула Симанду полны «вредной религиозной мистики». (там же, на стр. 10).

3. «...трудящиеся таты сложили в прошлом немало песен и сказок о своей тяжёлой жизни. Эти песни и сказки передавались из уст в уста, и этот богатый фольклор только теперь собирается и систематизируется дагестанским институтом нац.культур».

Как видим, под этим «богатым фольклором» автор цитаты прежде всего подразумевает произведения наших досоветских Первых Поэтов. Между тем, фольклор – это безымянное творчество, созданное народом и передаваемое из века в век изустно другим поколениям и возникает, как правило, в бесписьменный период этого народа. Факт существования у нас письменности на еврейском алфавите в бытность наших первых Поэтов сомнения не вызывает. Поэтому, если авторские стихи-песни этих Поэтов, передаваясь из уст в уста, запоминались и распространялись в народе, то это могло означать только их востребованность, созвучность «зову времени» и сердцам простых людей и такое обстоятельство не должно было явиться поводом отнесения их произведений к фольклору. Факт записи стихов-песен наших Поэтов еврейским алфавитом полностью исключал и могущее возникнуть предположение прижизненного слияния их с безымянным народным творчеством. Е. Мататов, вопреки истине, посчитал возможным авторские произведения своего современника Шоула Симанду, записанные еврей-

ским алфавитом, бок о бок живущего с ним в одном городе, отнести к фольклору. Лезгинским Лидерам, например, с аналогичной историей развития письменности на религиозной арабской графике письма, ничто не помешало *даже безграмотного лезгина Сулеймана Стальского*, стихи которого, только после его всеобщей известности стали записываться под диктовку другими, к тому же слагавшего их точно также, как Шоул Симанду, и Мардахай Овшолум на тюркско-азербайджанском языке в той же форме азербайджанской гошмы: три строки рифмованные, одна – свободная, объявить «общепризнанным Основоположителем лезгинской дагестанской досоветской поэзии»!

Чего добивался наш Лидер? Внедрения ложных понятий, типа: если нет авторского рукописного творчества, то нет письменности (или в другой последовательности) и, стало быть, нет досоветской литературы? И поэтому запросто относит творчество первых Поэтов к фольклору, чтобы не допустить их в ряды татских литераторов? Трудно предположить, что он сам верил текстам своих тезисов. Скорее, *он ими прикрывал неизбежную гласную публикацию их имён на республиканском уровне*. В этом вся причина.

* * *

*В беседах хладных повседневных
Горские классики его
Читали вслух, боясь каверзных
Последствий времени сего.*

О том, что Е. Мататову ничего не было известно о своём современнике Мардахая Овшолуме, утверждать конечно сложно!

Но по всем характеристикам его современников, поэтов-писателей разных поколений, в разное время записавших произведения Мардахая после их пропажи, как по своей памяти, так и по памяти народной, такими, как Д. Атнилов, А. Кукулиев, С. Юсуфов, Б. Гаврилов, а также, ранее записавших их (по словам этих же авторов) и Х. Авшалумов, и М. Бахшиев, и Манувах Дадашев, и Ю. Семёнов, и С. Изгияев, – что это, как не реальная оценка их значимости?! (Увы, если записи последних в печати так и не появились, то, как мы понимаем, не потому, что этого не пожелали они сами, иначе зачем было их записывать). Как широкой популярностью высокой поэзии того времени с ярко выраженным социальным протестом против существующего строя, чего ни у одного из наших литераторов ни в прошлом, ни в настоящем не наблюдалось; с его Гражданской позицией, а также нашумевшими бунтарскими и защитительными деяниями в защиту простого человека, за что многократно этапировался царскими властями на сибирскую каторгу и получил в народе прозвище «Сибири»; в память о себе

оставивший потомкам горско-еврейскую народную сказку – «Сказка о справедливом Мардахеае», а также множество поговорок и пословиц о себе; участника русско-японской войны, награждённого Георгиевским крестом за храбрость (с этой медалью автор этих строк игрался в детстве, пока он не канул и из детской памяти, и чисто физически); человека редкой трагической судьбы, не имевшего аналога в нашем народе; наконец – и это определяющее! – с его недавним громким резонансным убийством – просто исключено! Он не был тем Поэтом, мимо которого можно было бы пройти и не упоминать его имя среди других горско-еврейских Поэтов.

Да, трудно сказать, был ли Ехиил Мататов знаком с Мардахеае Овшолумом, или нет. Но, в любом случае, не слышать в Дербенте о прижизненной Легенде, народном Поэте-бунтаре и защитнике трудового человека, он не мог. Судя по их биографиям, они не только не могли быть в претензиях друг к другу, но, наоборот, по духу могли стать единомышленниками. Но, если они таковыми не стали, и Мататов не упомянул его имя среди Первых Поэтов, то, как ни парадоксально, *он это сделал только потому, что опасался официальной огласки именно этого имени – Мардахая Овшолума!*

Далее.

1939 г. Некий московский гость, писатель-собира-тель из Москвы забрал у родственников Мардахая все его стихи «в двух самодельных тетрадах», обёрнутых в холстину» с обещанием обнародовать их и сделать фильм об их авторе, и навсегда исчез вместе с ними, оставив нам много вопросов, впрочем, не таких и не-

понятных в свете существующих материалов. Правда, у Г. Мусахановой в книге «Татская литература 1917-1990 гг.» есть ссылка, касающаяся исчезновению стихов Поэта-бунтаря, где на стр. 102 пишет: «В январе 1934 г. республику посетила вторая бригада в составе кавказоведа А. Аршаруни, профессора-фольклориста Ю. Соколова, писателей А. Смирнова, Л. Пасынкова и др.». А предполагаемую фамилию этого собирателя оглашает уже через 20 лет в «Письме-отзыве» за 2010 год. на стр. 19-25: «Представьте себе, среди них был и тот, кто вторично по собственной инициативе приехал в Дербент в 1939 г. и посетил Вашего Отца! И кому он отдал рукописи Поэта... Думаю, я не ошибаюсь! ... Теперь назову фамилию того, кто забрал архив Мардахая Авшалума – это Аршаруни Аршалуис Михайлович (11. 1896 г.). Сов. литературовед и критик..., кавказовед и фольклорист... У меня нет никакого сомнения, что это он приезжал в Дербент в 1939 г. Сообщение о его посещении Дербента было в «Захметкеш». Считаю, интерес к личности нашего Поэта был у него не только профессиональным...».

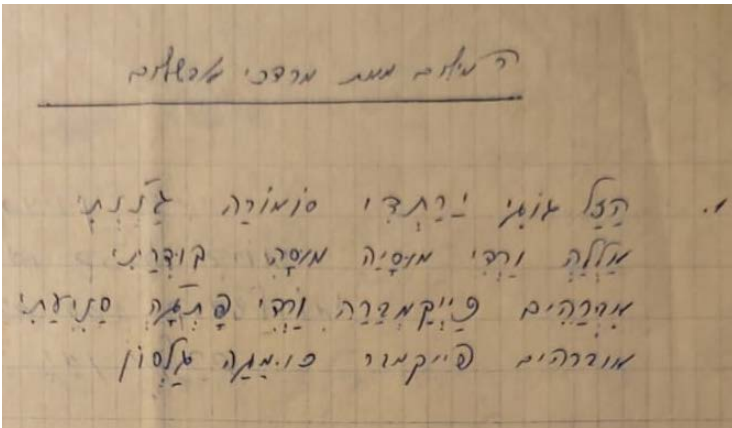
Даже если это так, то вряд ли мы когда-нибудь узнаем, от кого конкретно московский гость узнал о Мардахая Овшолуме и, главное! с какой целью привёл его и познакомил с дочерью Поэта – Зулпо и уговорил отдать незнакомому человеку все подлинники его произведений, не подсказав переписать их для сохранения. Мне этот ответ совершенно очевиден. Особенно, помня о судьбе исчезавших один за другим произведений Шоула Симанду, то сомнений в похожести методов пропажи стихов и у Мардахая у меня не вызывает.

В дальнейшем, практически на протяжении всего времени существования советской власти, «дело» о судьбе горско-еврейской досоветской литературы, а также окончательной татизации нашей народности, с неутомимым постоянством возглавлял последователь Е. Матагова – бессменный ведущий горско-еврейской писательской организации Хизгил Авшалумов.

* * *

*Ах, что мы значим перед силой
Неясных дней забытых лет.
И рвать из бездны лик счастливый,
Что вот когда-то жил поэт.*

Неожиданным сенсационным открытием, демонстрацией записей тюркоязычного текста стихов Мардахаия Овшолума, являются записанные в 20-е – 30-е гг. XX в. ивритским алфавитом на 4-х старых листах бумаги из архива Иуды Адамович, отца прославленного генерал-майора Армии Обороны Израиля – Адама Йекутиэля – горских евреев выходцев из Дербента, явились и недавно переданные автору этих строк научным сотрудником Института изучения еврейских общин имени Бен-Цви – докторантом Алисой Абрамовой.

עניני חשבון

1. חשבון המכר והקנייה
על פי חשבון המכר והקנייה
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים

2. חשבון המכר והקנייה
על פי חשבון המכר והקנייה
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים

3. חשבון המכר והקנייה
על פי חשבון המכר והקנייה
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים

4. חשבון המכר והקנייה
על פי חשבון המכר והקנייה
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים

5. חשבון המכר והקנייה
על פי חשבון המכר והקנייה
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים

6. חשבון המכר והקנייה
על פי חשבון המכר והקנייה
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים
המכיר והקונה יודעים

7. קיבולת גומיית יבולת אוויר
היא כפולה קומפוזיט קבוע קבוע
אלה הם זווית אפי קבוע קבוע
היא כפולה יבולת אוויר
אלה הם זווית אפי קבוע קבוע

8. קבוע גומיית אוויר
היא כפולה קבוע קבוע
אלה הם זווית אפי קבוע קבוע
היא כפולה יבולת אוויר
אלה הם זווית אפי קבוע קבוע

9. קבוע גומיית אוויר
היא כפולה קבוע קבוע
אלה הם זווית אפי קבוע קבוע
היא כפולה יבולת אוויר
אלה הם זווית אפי קבוע קבוע

היום זה יום חג המולד

1) הנה נאמר כי יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד

2) הנה נאמר כי יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד

3) הנה נאמר כי יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד

4) הנה נאמר כי יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד

5) הנה נאמר כי יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד

6) הנה נאמר כי יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד

7) הנה נאמר כי יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד
ועל כן יום זה יום חג המולד

*1940 г. Составитель Х. Авшалумов.
«Фольклор тати. Эн джуурин догъи».
Сборник татского фольклора¹³.*

Как выше в своих статьях отметили отец и сын Мататовы, по заданию «дагестанского института нац. культур» «этот богатейший фольклор собрал и систематизировал» его научный сотрудник, заслуженный работник культуры РСФСР Х. Авшалумов». Этот сборник, своего рода документ, в котором запечатлены для потомков богатое устное творческое наследие нашей народности, с его сказками, колыбельными песнями, пословицами и поговорками, азербайджанскими доброжеланиями, бытующими в нашем народе, и т. д. В основном все материалы книги досоветского периода, с небольшой частью – советского. То есть, вся книга состоит из отдельных статей об устном (коллективном) народном творчестве. Персонального творчества какого-либо конкретного автора в книге нет. Вроде и не должно быть, так как речь в сборнике идёт о фольклоре. *Кроме 15-ти четверостиший Мардахая Овшолума!* В чём же здесь дело? Что этим актом хотел сказать составитель сборника?

Молодой учёный-филолог, научный сотрудник ИЯЛИ ДНЦ РАН Х. Авшалумов помещает на страницах 179-181 своего сборника 15 четверостиший Мардахая Овшолума, известных сегодня как цикл: «Перед судом», озаглавив их: «Эз мэгИнигьой Мердэхэй», т.е., «Из песен Мардахая». Такая отсылка к конкретному автору, как понимаем, фольклором быть не может, так

¹³ <https://stmegi.com/library/books/folklor-tati/>, стр. 179-181.

как само по себе говорит об индивидуальном творчестве конкретного автора – Мардахая Овшолума. Это первое. И второе: если молодой учёный в обход правил иерархической субординации, вопреки выбора, сделанному Е. Мататовым в 1936 году, через четыре года своим выбором смело демонстрирует творчество другого Поэта – Мардахая Овшолума, то это он делает в отсутствие арестованного к тому времени Е. Мататова, явно с расчётом что-то заявить этим актом доступным ему способом. Но ответы этому явлению могут быть всякие, и даже самые неожиданные. Поэтому не стоит углубляться в бездоказательную причину его поступка. Важно одно: он сделал другой, свой выбор. И вдруг, что-то, или кто-то вынуждает его изменить своё отношение к Мардахая, в результате чего, из книги изымается всякая информации о нём, хотя сами стихи на указанных страницах остаются. То есть, ни в «Предисловии», ни в «Комментариях», в которых даётся обширная информация о составе книги и о всех авторах, от кого записаны публикуемые произведения, о Мардахаяе вообще никакой информации нет. Только в самом конце «Комментарий» на стр. 193 и в конце Оглавления сборника имеется запись: «Эз мэгИнигъй Мэрдэхэй...». Каковы причины такого поворота событий, остаётся только гадать.

Проиллюстрированы два документа: один Мататова – от 1936 года, другой, Х. Авшалумова – от 1940 года. Каждый из них, предъявив народу своё предпочтение, возглавил список досоветских Первых Поэтов своим выбором: первый назвал имя Шоула Симанду, второй, как филолог, таким неординарным способом указал на имя Мардахая Овшолума. Но, как видим,

точно также, как и с Шоулом Симанду, дальше ничего не происходит, кроме редких публикаций стихов и защитительных деяний, несмотря на объявление Мардахая Овшолума, якобы, от имени советской власти – «бандитом».

*1947г. Даниил Атнилов.
«Шогьиргьой тати».
Татские поэты¹⁴.*

Издано в Махачкале, где под своей редакцией помещает пять поэтических произведений Мардахая Овшолума из своего архива. В них отражён непоколебимый дух человека, который не сломлен тяготами сибирской каторги. Напротив, испытания закалили, укрепив его свободолюбивую волю. И, как отметила д-р Лея Микдаш-Шамаилова – научный сотрудник отдела иудаики и этнографии Музея Израиля в своём отзыве к книге Ш. Шалумова «Поэт-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири», стр. 12, – «Мардахай Овшолум, находясь в центре общины – маленькой частицы еврейского мира, всегда чувствовал ответственность за её существование и благополучие и изыскивал возможности отстаивать её интересы. В то же время его восприимчивая душа отзывалась на народную боль поэзией, и тут проявляются две различные, но дополняющие друг друга тенденции, присущие духу Мардахая Овшолума – дух Защитника и дух Поэта».

¹⁴ <https://stmegi.com/library/books/shogirgoy-tati/>, стр. 106-115.

Стихи-песни Мардахая полны оптимизма и уверенности в скорой встрече с близкими, друзьями, товарищами, со своей любимой женой Нергуз, с родным городом Дербентом и своим народом, где есть и такие строки:

Ведь кроме прощения нет мужества большего,
Дороже прощения нет слова лучшего,
И Родины слаще ничего нет на свете –
Надеюсь, вернусь я к вам, дорогие!

1960 г. Миши Бахшиев. Роман
«Хушегьой онгур»¹⁵ («Кисти винограда»).

Интересный рассказ о предреволюционном старом провинциальном городе Дербенте, с живыми картинками природы, событий, нравов и быта горско-еврейской общины. Одним из главных героев романа – великодушный богатырь, бескорыстный, всегда приходящий на помощь простому человеку - Мардахай Овшолум...

Ни о какой другой персоне нашей общины, или ни о каком другом из наших досоветских Первых Поэтов не «лепилось» столько разночтений о причинах смерти, как в отношении Мардахая Овшолума. При этом, один нелепей другого. Почему-то все авторы, даже в большинстве своём современники Мардахая Овшолума, когда-либо писавшие о нём, по-разному

¹⁵ Альманах «Ватан советиму». Махачкала, 1961 год. Под редакцией Х. Авшалумова. <https://stmegi.com/library/magazines/vatan-sovetimu-literaturno-publitsisticheskiy-almanakh/>, стр. 12-48.

трактовали причину смерти Поэта: и умер по причине нажитых на каторгах болезней, и по старости, и «от проведённой ночи в сыром осеннем Араблинском лесу», и умер на сибирской каторге в 1925 году, видимо, как враг советской власти, и просто на каторге без указания конкретной даты, а может и ещё как-то. Возможно ли было в то время не слышать о громко нашумевшей смерти такого неординарного человека, подобному Мардахаю Овшолуму Сибири, особенно в описываемые времена в такой малой общине, как наша, в небольшом провинциальном городке Дербент, насчитывавшем в 20-х годах XX века около 7-и тысяч татов и горских евреев, где все без исключения всё знали друг о друге, когда всякое маломальское событие сразу становилось предметом всеобщей гласности? Такие разночтения объяснимы только одним – увести от истинной причины смерти Поэта.

* * *

*Одно грядущее волнует
Сквозь многотрудные пути
Пусть его место не пустует
Средь классиков родной крови.*

Впервые, с выходом в свет исследовательской работы Г.Б. Мусахановой в 1993 году, с наступлением перестройки в стране, заявлено о существовании истоков досоветской литературы горских евреев и озвучены имена Первых Поэтов.

*1993 г. Г.Б. Мусаханова.
«Татская литература.
Очерки истории 1917-1990 гг.»¹⁶.*

– Стр. 21. «В существующих трудах по истории дагестанской советской литературы возникновение татской литературы относится к 30-м годам. Обычно началом её считают выход в свет первой повести Миши Бахшиева «Навстречу новой жизни». (М., 1931). На основании этого факта утвердилось мнение, что развитие татской литературы, в отличие от других литератур Дагестана, начинается с прозы.

¹⁶ Галина Мусаханова. «Татская литература. Очерки истории 1917-1990 гг.». Дагестанское книжное издательство. 1993 год. Махачкала. <https://stmegi.com/library/books/tatskaya-literatura-1917-1990g-g/>.

Однако даже беглый обзор фактов татской литературы начального периода опровергает это мнение...».

Культурно-исторические предпосылки описываемой эпохи были общими для развития литератур всех дагестанских народов, в числе которых естественно, был и наш народ. Но почему-то, до сего дня никого из наших компетентных учёных, литераторов не заинтересовала выше выделенная курсивом неоспоримая фраза Г. Мусахановой. А между тем наш Литературовед говорит о том, что если досоветские национальные литературы дагестанских народов зачинаются с ашугских стихов-песен своих Истоков, *то есть, с поэзии*, то по каким критериям наша литература должна начинаться *с прозы*? Только потому, что Е. Мататову захотелось скрыть, извести из памяти народной имена своих литературных Истоков, Первых Поэтов, что вынужден был даже отказаться от успешно развивавшейся досоветской литературы? Чем же досоветская литература и публичное обнародование имени Поэта-бунтаря не устраивало его? Насколько должна быть веской причина, вынудившая его лишить свой народ его единственного достояния?

Более обстоятельную несостоятельность такого «утвердившегося мнения» автор развенчивает на стр. 56-64 этого же труда, где, как литературовед, отдавая должное творчеству дореволюционных Первых Поэтов, обозначает конкретные творческие достоинства каждого из них в отдельности и подытоживает, что «На основании того факта, что многие его (М. Овшолума) стихи, как и произведения Шоула Си-

манду созданы на азербайджанском языке, прежде начисто снималась их принадлежность истории татской литературы. Вряд ли будет правильным их забвение. *Они являются свидетельством своеобразия выживания литературы, тем более что их поэтическое наследие бытует в народе и на родном языке».*

Как и ожидалось, главы, посвящённые досоветской литературе и нашим Первым Поэтам, проходит без какой-либо реакции и продолжения обсуждения в литературной среде нашей общины. Пока наш неутомимый энтузиаст, поэт-собиратель Амалдан Кукуллу в 1995 г. не заявился, как гром среди ясного неба, переполошив наших литературных бонз своей знаменательной книгой: «Мардахай Овшолум. Песни, стихи, хвалы, эпитафии». Возможно, сам не ведая, что своим природным чистосердечием невольно *взбудоражил всю клановую подноготную недругов Народного Поэта-защитника.*

1995 г. Амалдан Кукуллу (Амал Данилович Кукуллиев). «Мардахай Овшолум. Песни-стихи, хвалы, эпитафии». Москва¹⁷.

С изданием этой книги практически и начался активный процесс нового возрождения памяти и осмысления творчества одного из Первых Поэтов дореволюционной горско-еврейской литературы – Мардахая Овшолума Сибири. В этой связи особо высвечивается значение известного «полного мешка с записями» сти-

¹⁷ <https://stmegi.com/library/books/mardakhay-ovsholum-pesni-stikhi-khvaly-epitafii/>.

хов Мардахая, собранным поэтом-собирателем Амалданом Кукулиевым из уст народа в Дербенте в 1965г. К сожалению, несколько попыток в разное время опубликовать их так и не увенчались успехом. В расчёте на помощь в содействии изданию книги о Поэте-бунтаре, он просит помощи лично у Х. Авшалумова во время посещения им Махачкалы в 1990 г., которого знакомит со своими записями. Но тщетно. В этой же поездке 1990 года Амал знакомит со своими записями и Г.Б. Мусаханову. В силу различных препятствий со стороны власть предержащих нашей писательской организации, А. Кукуллу только после падения советской власти, в 1995 г., в Москве смог опубликовать свою книгу, в котором ВПЕРВЫЕ ЧЕРЕЗ ПРЕССУ публично напоминает своим соотечественникам о ФАКТЕ УБИЙСТВА Мардахая Овшолума НЕДРУГОМ и называет его КЛАССИКОМ горско-еврейской литературы, невольно провоцировав на ответы: вначале – Х. Авшалумова, затем – Михаила Дадашева, верных продолжателей линии первого Лидера нашей народности. Эти писатели ни разу ничего за всю свою долгую творческую жизнь не написали о Народном Поэте-защитнике, (кроме упоминания Х. Авшалумовым о нём в «Фольклоре тати» в 1940 г.), хотя и тот и другой имели в своих архивах много материала о нём. Ни тот, ни другой, как ранее Е. Мататов, не были заинтересованы ни в реанимации факта гласного объявления убийства Мардахая, ни в реальной оценке значимости его творчества. Именно из-за опасения реанимации в памяти людей этого убийства и родились на свет вышеприведённые постулаты Е. Мататова о письменности, о фольклоре, отвергнута досоветская лите-

ратурная культура нашего народа и имена его Источков. Но всё по порядку.

В ответ на книгу Амала в том же 1995 г., кстати, как и через четыре года после «сожалений» Х. Авшалумова по поводу творчества Шоула Симанду, знакомимся теперь с его мнением о жизни и творчестве Мардахая Овшолума, но в свете неприятия определений А. Кукуллу.

*1995 г. Очерк Хизгила Авшалумова:
«Шогьир-Бунтчи Мэрдэхэй Овшолум Сибири»
(«Поэт-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири»)»¹⁸.*

Как видим, тут же, без промедления, в декабре этого же, 1995 г., Х. Авшалумов в ответ (через 55 лет после «Фольклора тати» 1940 г.) из опасения «узаконения» выводов Амала, впервые за всю свою творческую жизнь, срочно публикует в Дербентской татской газете «Ватан» обширный очерк в 8-ми номерах, в которых демонстрирует высокую информированность о творчестве и личности своего современника – Мардахая Овшолуме, как он говорит: «одного из прекрасных героев – сыновей нашего народа», и продолжает, что «...стихи (Мардахая Овшолума) ...очень широко были известны среди нашего народа в Дербенте, их читали в местах сбора людей, на свадьбах, при встречах, что «по его песням мы видим безусловный талант поэта, песенника», что «он хорошо владел техникой написания стихотворения, песни», что «стихи его

¹⁸ Газета «Ватан». Республиканская общественно-политическая газета на татском языке «Родина».

были как народные», и так далее». Отмечая высокий профессионализм его поэтического творчества и высокой популярности в народе, подчёркивает, «что сам собирал и записывал стихи Мардахая». Хотя и справедливая оценка его творчества, но ни слова о том, куда подевались «собранные и записанные» стихи Поэта.

Ни одного слова не сказал и о причинах отсутствия публикаций его стихов, или о том, почему он, как бессменный Лидер писательской организации горских евреев, не только запрещал другим, но и сам не опубликовал его стихи, которые: «...он знал все его (Мардахая) произведения наизусть, в чём я убедилась в середине 70-х годов у него дома, когда он весь вечер с большим вдохновением декламировал их» (Г. Мусаханова, «Письмо», стр. 5). Нет также ни одного слова и о том, по какой причине, якобы, советская власть считала кумира своей идеологии «бандитом» и запрещающая печатать его произведения, не уточнил: как защитника бедноты, или как автора стихов, бичующих царскую власть. И ни слова о пропаже стихов-песен Мардахая в 1939 г., о котором накануне издания своей книги «Фольклор тати», он не мог не знать, ...если не сказать очень даже больше...

Наоборот, тут же, противореча самому себе, всё опровергает. Отвергает и все вышеуказанные определения А. Кукуллу и по части значимости его поэзии, и по части его убийства как такового. Но, совершенно недальновидная, хотя и понятная цель побуждает его значительное место очерка, посвящённого Поэту-бунтарю, уделить восхвалению его убийцы, миллионера-антипода Мардахая, никакого отношения к очерку о

нём не имеющего. Казалось бы, промолчать и пройти стороной эту тему! Но Народный писатель Дагестана, в надежде на забывчивость за прошедшие десятилетия, пытается откровенно ввести в заблуждение своих соотечественников несмотря на то, что люди старшего поколения ещё помнили о подлом отравлении народного кумира и имя его отравителя. Но Х. Авшалумов излишним красноречием сам же и *наводит читателя на того самого убийцу по поговорке: «На воре шапка горит».*

Главный функционер нашей писательской организации в 1995 г. уже «освободился от давления» прекратившей своё существование советской власти. Но он, своей клановой причастностью со своим предшественником, вынужден и теперь придерживаться раз и навсегда принятой линии, взявших курс на отрицание существования нашей досоветской литературы и её Истоков. На протяжении существования всех советских лет наш главный цензор на просьбы близких и почитателей поэзии Мардахая опубликовать стихи Поэта, всегда отвечал отказом, якобы, из-за страха перед советской властью, которая, по его словам, считала Мардахая «бандитом». Надо думать, за его деяния в защиту слабых и неправых, если, конечно, приравнять народного защитника к сегодняшним рэкетирам. Но защитник слабых и неправых «рэкетировал» в царские времена зарвавшихся беков с непременным требованием личного участия рэкетированного при раздаче денег в синагоге. Не для того, чтобы втихую нажать самому, о чём подчёркивается авторами, пишущими о нём (М. Бахшиев. «Ватан Советиму» за 1968 г. Роман «Грозди винограда», стр. 87), а

для того чтобы в крайних случаях помочь самым бедным людям, что даже такая деятельность Дербентского Робин Гуда для советской власти не могла считаться критерием «бандитизма».

В то же время, допуская под своей редакцией, или не без своего ведома, публикацию произведений наших писателей о якобы «бандитских» деяниях Мардахая-защитника, как и произведения Мардахая-Поэта, он лишний раз доказывал, что вся эта возня вокруг «бандита» от имени советской власти – банальный блеф! Отдавая должное нашему цензору, необходимо отметить что так или иначе, произведения Мардахая, хотя бы и изредка, но всё же в печать пропускались. Также не обходились без использования его стихов-песен и в очерках с сюжетами о защитительной деятельности. Но конкретно «Поэтом» он нигде не прозывается. Получается парадокс: в публикации поэзии Мардахая-Поэта, воспевавшего идеи мира, любви, борьбы с царизмом, приближающие народу светлые времена, могущие быть примером для подражания идеям новой советской власти, наш цензор отказывает, боясь кары этой власти, а те самые защитительные деяния Мардахая-Защитника, за которые его, можно, якобы, считать «бандитом» – публикует.

Х. Авшалумов, также, как и ранее Е. Мататов, вряд ли что-то имел против Мардахая Овшолума, или Шоула Симанду. Не было никаких оснований к этому. И не стал бы Народный писатель Дагестана по истечении многих десятилетий продолжать в угоду продолжения идеологической солидарности с Е. Мататовым чернить Поэта, творчеству которого он явно симпатизировал, как явствует из двух его публикаций. Но у

него были такие же опасения, вынуждавшие его внести собственную необходимую долю в клановую дискредитацию личности нашего Поэта-бунтаря.

Через 12 лет, в 2007 г. «Кавказская газета» в статье о Мардахае Овшолуме Сибири, по следам книги А. Кукуллу, публикует статью, в которой повторяются все сделанные Амалом выводы о герое своей книги Поэте-защитнике. Статья получила живой отклик у горско-еврейской общественности Израиля, в том числе, своими восторженными и прочувствованными ответными публикациями в последующих номерах этой газеты видными представителями израильской горско-еврейской общины. Такими, как профессор М. Я. Агарунов, науч. сотр. Отдела иудаики и этнографии Музея Израиля д-р Лия Микдаш-Шамаилова, педагог, журналист, общественный деятель Б. С. Пейсахова и другие.

Тотчас, в том же в 2007 г., в ответ на эту публикацию в защиту своего учителя Х. Авшалумова «в бой ринулся» другой татский писатель Михаил Дадашев.

2007 г. Михаил Дадашев.
очерк «Нет, я не умер, я живой»¹⁹.

Впервые в своей творческой жизни вроде бы тепло повествует о героических деяниях Мардахае в защиту простых людей. Но, когда дело доходит до по-

¹⁹ Литературно-публицистический альманах «Мирвори». № 3, 2007 год. Израиль, издательство «Мирвори». Стр. 70.
[https:// stmegi.com/library/books/mirvori-literaturno-publitsisticheskij-almanakh-3/](https://stmegi.com/library/books/mirvori-literaturno-publitsisticheskij-almanakh-3/).

этического творчества и смерти Народного Поэта, то по обличительным ноткам, непримиримому сарказму сразу видна цель его статьи! Он, как под копирку, но более безапелляционно и беспардонно, углубляя лживые доводы Х. Авшалумова, уничижает поэтическое творчество Мардахая Овшолума и также намеренно искажает причину его смерти, отрицая все выводы Амалдана Кукуллу. Маскируя своё личное мнение в восхвалении того же миллионера ссылкой на цитату Х. Авшалумова, он явно демонстрирует свою солидарность со своим наставником в стремлении выгородить убийцу Мардахая. В итоге сам не менее наглядно помогает вымостить ту самую дорогу к Истине, подтвердив справедливость вышеуказанной народной мудрости. Повествуя о защитительных деяниях Народного Героя, он, в отличие от Х. Авшалумова, поместившего в свой очерк хотя бы несколько четверостиший Мардахая, не опубликовал в своей статье ни одного стихотворения Народного Поэта, хотя имел его поэзию в своём архиве. В одной из бесед Амал Кукуллиев вдохновенно рассказывал автору этих строк, что питает надежду объединиться с М. Дадашевым и выпустить одну большую книгу о Мардахаяе Овшолуме, дескать, у Михаила много материалов о нём.

* * *

*Но сколь не литься лжи холуйской –
«Шило в мешке не утаишь».
Есть высший суд – тому порукой –
И ложью правду не затмишь.*

*1988 г. Б.Г. Гаврилов. Статья «Октябрь
хъэсуьл оворде» («Рождённые Октябрём»)²⁰.
Редактор Х. Авшалумов.*

Как не прискорбно, но невозможно пройти молча мимо статьи из альманаха «Ватан Советиму» за 1988г. под редакцией Х. Авшалумова на стр. 42, являющего собой *образец векового шельмования творчества Мардахая Овшолума и демонстрации одного из самых низких проявлений человеческой природы.*

Перед нами шесть файлов. Два из них – это фрагменты записей из одной и той же статьи Б. Г. Гаврилова (1908-1990), «одного из старейших татских поэтов, преподавателя татского языка, члена КПСС, участника ВОВ». Из них первый – текст статьи на языке джуури: «Октябрь хъэсуьл оворде» из Альманаха тати «Ватан Советиму», 1988г., стр. 42; второй – текст начальной страницы той же статьи в переводе Лазаря Амирова на русский язык: «Рождённые Октябрём». И следующие 4-ре из 10-ти листов– его же соб-

²⁰ Альманах тати «Ватан Советиму». 1988 год.
<https://stmegi.com/library/magazines/vatan-sovetimu-literaturno-publitsisticheskiiy-almanakh-1988-g/>.

стенноручно записанные по памяти стихи Мардахая, переданные им поэту-собирателю А. Кукуллу в 1965 году в Дербенте.

На первом снимке – стр. 42 этого альманаха переводом с джуури на русский читаем:

«Надо сказать, что мы были первыми поэтами, писавшими на родном татском языке. Раньше, до революции, до советской власти у нас не было поэтов, пишущих на родном языке. В Дербенте в прошлом был известен из татов один только поэт, бондарь по профессии Шоул Симанду. Но он писал свои стихи на тюркском (азербайджанском) языке. Да и то, что было написано им (одна поэма и несколько стихов) не были связаны с историей, бытом, мечтой, надеждами и чаяниями нашей народности. Я больше не слышал о других поэтах из нашего народа.

Правда, на устах народа были всего несколько песен гъуччи Мардахая Овшолума Сибири... Но, некоторые старые люди, которые хорошо знали Мардахая Овшолума, говорили, что эти «песни Мардахая Овшолума» сам поэт Шоул Симанду писал под его именем. Шоул Симанду дружил с гъуччи Мардахаем. Когда его осудили, заковали в цепи и отправили в Сибирь, говорили, что Шоул Симанду написал несколько песен под его именем. Мы сейчас не знаем: правдивы ли слова этих некоторых старых людей по поводу этого дела, или не правда.

Пушоте, те революция, власть Совети норе оmore, имуре небируьт шогьиргьо, э зугьун делеи нувьусдегоргьо. Увэхдигьо э гьемей Дербенд мэгI.лумь бу э гьэд татгьо энжэгь шогьир, бондур Шоул Симанду. Оммо у нувьусденбу шогьиргьой хуьшдере энжэгь э зугьун тюрки (азербайджани). У нувьусдебу е десдон ве е ченд мэгIни, комигьоки небируьт эз зиндегуни хэлгь иму, гьозней эну, войгегьо, четинигьо, имидигьо ве гьовхой эну. Ме дие э товун де шогьиргьойге эз гIэрэй хэлгь иму нешиновусдем. Расди э лэгIэй хэлгь дебируьт е ченд мэгIнигьой эн гьуччи Мердэхэй Овшолум «Сибири». Уре «Сибири» гуфдиренбируьт, чуьнки у э Сибирь э каторга фирсоре оmoreбу э десдин суд падиогьетиревоз.

Хуьшдени Мердэхэй Овшолум фэхлее косибе одоми бу. У е жен-деклуье екелуье мерд бу, жонлуь, жуьргIэтлуь, гьинномерд. Э товун сегьмсуьзи, жуьргIэтлуьи эну э гIэрэй хэлгь омбаре хэбергьо дебируьт. ГIоширгьой Дербенд эзу терсиренбируьт. У эз ГIоширгьо э хьуькм сегьм хуьшдеревоз пул векенде, етимгьо, бие зенгьоре доренбу. Е гиле у полицейскире куьшдебу э е зен эри гуж сохден. Уре суд сохденге эри эни кор, ГIоширгьой Дербендиш ченд жире шогьодигьо доребируьт э гьэршуй эну. Эзу товуне у нувьусдебу э мэгIни хуьшде:

Угьлу уьлмиш шогьодлеруьм дурди гьэршуме
Прокурор иномеди догьи суьзуьме.
Катарожней ухуди менуьм уьзуьме
Не емон кесилдилер дивонум менуьм.

Оммо кими келемердгьо, Мердэхэй Овшолуме хуб шинохденбируьтгьо, гуфдиренбируьт, ки и «мэгIнигьой Мердэхэй Овшолуме» хуьшдени шогьир Шоул Симанду нувьусдебу гуфдире эз нуминей эну. Шоул Симанду дусди гердунденбу э гьуччи Мердэхэевоз. Эри эну суд бурранге, уре э бухову бесде, э Сибирь фирсоренге, Шоул Симанду нувьусдебу гуфдире и е ченд мэгIнире эз нуминей эну. Иму гьейсегIэт нисе дануьсденним: дузиге гофгьой эни кими келе мердгьо э товун эни кор, небуге дуз нисдутьге. Оммо эз елойге э гоф энугьо бовор сохдениш гьисди. Эгенер эз расдиш Мердэхэй Овшолум шогьир мибисдоге, те уре суд сохде, э Сибирь фирсоре эйчуь не нувьусдебу у е доне бенд мэгIни? Уре суд сохденбугьо вэгIдо у жогьиле одоми небу, э куьнди чуьл сале мерд бу. Мердэхэй Овшолум келе мерд муьрди. У эз Сибирь вогошденгеш е доне бенд мэгIни не нувьусди.

Гье и нувьусде оmoreбугьош е ченд мэгIни, чуьтам иму гуфдиримге, нувьусде оmoreбу э зугьун тати нэгI, э зугьун азербайджани.

Однако, с другой стороны, этим словам их и верить можно. Если Мардахай Овшолум и вправду был поэтом, то почему он ни одного куплета песни не написал до отправки его в Сибирь? Когда его осудили, ему было почти 40 лет... И когда он вернулся из Сибири, тоже ни одного четверостишия не написал...».

1. /Из статьи одного из старейших татских поэтов, преподавателя татского языка, члена ККСС, участника ВОВ Гаврилова Б. Г./

41. Ехшил Мататов был не только видным партийным и советским работником нашей республики, но и создателем первой татской газеты "Сахметеш" /1928 г./, новой татской письменности, грамматики татского языка. Он был одним из наших первых поэтов, первым критиком. Е. Мататов пользовался большим авторитетом у нас в народе, особенно среди молодых татских поэтов, литераторов, в числе которых был и я, и которые стали писать в конце двадцатых и начале тридцатых годов после появления газеты на татском языке.

Надо сказать, что мы были первыми поэтами, писавшими на родном татском языке. Раньше, до революции, до Советской власти у нас не было поэтов, пишущих на родном языке. В Дербенте в прошлом ^{из татов} был известен ~~только~~ поэт, ~~фонд~~ар по профессии Шоул Симанду. Но он писал свои стихи на тюрском /азербайджанском/ языке. Да и то, что было написано им /одна поэма и несколько стихов/ не были связаны с историей, бытом, мечтой, надеждами и чаяниями нашей народности.

Я больше не слышал о другом поэте из нашего народа. Правда, в народе было известно всего несколько песен глущи Мердэхэй Овшолума Сибирского. Его называли "Сибирским" за то, ~~на~~ что решением царского суда он был сослан на пожизненную каторгу в далекую Сибирь.

42. Сам Мердэхэй Овшолум был бедняком, человек огромного роста, богатырской силы и отчаянной храбрости. Дербентские богачи боялись и ненавидели его. Он угрозой взымал у них деньги и раздавал вдовам и сиротам. Однажды он убил царского полицейского, который надругался над беззащитной женщиной. Когда его судили за это убийство, против него давали показания и дербентские богачи.

Но и это его несколько песен было написано не на татском языке, а на азербайджанском...

И вправду, нечто похожее, как например, в мафиозные брежневские годы в Дербенте была распространена такая быль. Следователь: – где украли цистерну спирта? Вор: – купил у проходящего еврея. А если вор приходился братом жены райпрокурора, то верно срабатывал и такой «юмор». Времена были такие. А в период написания статьи в «Ватан Советиму» эта быль превратилась в крылатую юморную прибаутку, как бы в назидание отъявленным врунам. Однако не учёл, или не догадался. И редактор не подсказал. А может, наоборот, он же и подсказал. Зато, какой спрос с «проходящего еврея» или «некоторых старых людей»? Главное очернить, оболгать, а там хоть трава не расти.

А как «руководящая» характеристика Е. Мататова о творчестве Шоула Симанду, «за 80 лет своей жизни сложившего *огромное количество стихов...*», соотносится с «*одной поэмой и несколькими стихами*» Б. Гаврилова? Каждый жонглирует именем Поэта сообразно своим надобностям!

В той же статье, что перевёл на русский язык поэт Лазарь Амиров, (на втором снимке из архива Е. Мататова), озаглавленной «Рождённые Октябрём», слова, выделенные выше столбцом, переводчиком из текста стыдливо изъяты. По какой причине, могли знать только они. Впрочем, возможно, были добавлены в статью из «Ватан Советиму», что сути не меняет. На остальных снимках – собственноручно записанные по памяти Б. Гавриловым, как «*почитателем творчества Мардахая Овишолума*», на 4-х страницах из 10-ти – одного из четырёх его стихов, переданных им в 1965 г. в Дербенте поэту-собирателю А. Кукуллу, под названием: «Из царской армии домой». О том, что писал ли

 В равнини вене или море и } вене
 А ти даше зунти сис как сисел,
^{хорошо} ^{море} ^{Солнечны}
 Сима: кауиель савагокуну бурду
 Дурбен: и вене ---
 X

8) Салдата умириот и бивт
 Кто не слышит толку и науде зана,
 Лени тихо плеще свободо пона,
 Кисиле востому как мей бурден.
 X

9) Илору, илору ^{кто} ^{интересует} ^{наблюдает}
 Каписал в Россе вни мове таб побиу.
 Радител когда впошени и
 Ступи слези сами гурт о бурден.
 X

10) Зубат не умирет аде дестайне или,
 Числрату ^{калечи} ^{сез} ^{малевидные}
 Мечи ^{малевиды} ^{глубок} ^{мелуком} ^{малевиды} ^{мелуком}
 В зотт ^{мелуком} ^{мелуком} и гуртко реду бурден.
 X

В бурдене ^{тоже} ^{не} ^{зубы} ^{свободно}
 В садах ~~продумывал~~ гурдичал до поддич.
 В салдатау, етал теалани, негетални
 Цветични сади впошени илору бурден.
 X

12) Салдателал видно не впошениа,
 Малити Богу, ичел сдучает пурдичево
 Счастье обнови сестер и Катеру
 Радител впошени илору бурден.
 X

Четр. Как нам бийт од обито; бийу,
Прикажице молодоти пур саваит инайт.

13) (без внжених невожених) Как нам бийт ваге кривелесу
Курет по едкелбундракит брзгит верелесу

x
И пичу илею основах

19) Не моту до стертит. даме сружидит
Вот это вотака за комага
Метре гутко дамоту етажки дубелит.

x

20) Еврейские мажи, змичи узел.
Салдаит рато в дучи-дучу ослив бандит.
Наши етарини томе руски
Писат редат красавицы дубелит.

x

21) Зовождит Знамн пакжастит ил
Зтоб. не мотло куакс рато
Вратскал пур ивети пачи кроби
Пладте в паче вичини дубелит.

Гурло.
Кривелесу
Вот это вотака
за комага
Метре гутко
дамоту етажки
дубелит.

Уарске веме рачит
Вот пакжастит в пакжастит пур во

Мардахай стихов до и после ссылки, или не писал, уже сказано много, и при желании ознакомиться с такими стихами можно в книгах о нём. Но ещё раз, чтоб не углубляться в математику хронологии жизненных этапов Поэта-бунтаря. Если 80-летний автор этой статьи уже не понимал, что «Письмо из царской армии домой» невозможно написать из сибирской каторги, то как следует понимать позицию редактора этого журнала?

По поводу «серьёзного» заявления, что у Мардахая Овшолума было всего несколько песен, да и те написал Шоул Симанду под его именем. Во-первых, надо было прежде всего обвинить во лжи сначала себя самого лично, а затем весь цвет наших писателей-классиков, записавших по памяти стихи Поэта-бунтаря и сохранивших их для потомков. Во-вторых, на каких читателей рассчитывали «один из старейших татских поэтов» Б. Гаврилов и бессменный Лидер татских литераторов и редактор этого Альманаха Х. Авшалумов, не увидевшие даже абсолютнейшую противоположность идейно-тематических содержаний произведений этих двух совершенно разных по духу и темпераменту людей?! Сложно поручиться за автора этого «откровения», но Х. Авшалумов не тот Народный писатель, который бы не увидел такой очевидной разницы. Скорее, очередная демонстрация меры уважения к читателю, которому, как он считал, можно впарить что угодно.

Не знаю, какие проблемы могли решаться в отношении Мардахая Овшолума в литературных верхах Дербента в преддверии крушения советской власти, на пике перестройки в 1988г. Скинутый сверху циркуляр

по подготовке к предстоящей переоценке идеологических ценностей? Возможно. Не от скуки же он вдруг решил пройти по памяти Народного Поэта-Защитника!? Однако, заезженной дешёвой ссылкой на «неких безымянных старых людей» – пасквильно, нечистоплотно, не солидно своим статусам, редактор, пользуясь известной слабостью своего соратника, допускает в печать эту, явно заказную жалкую кляузу, чтобы поставить, как видимо ему казалось, окончательную точку в поэтической судьбе Мардахая Овшолума. Видимо, ярлык «бандита» срабатывал недостаточно, если хулители Мардахая вынуждены были таким нелепым образом вновь будировать «спящую», казалось бы, к тому времени тему. Ложь настолько чудовищна, что даже самые ярые хулители Мардахая ни разу не воспользовались ею, побрезговав эдаким «шикарным козырем».

Каковы бы не были цели этих двоих писателей, но их слишком уж зашкалило! А если по серьёзному, чем этот пасквиль отличается от беспардонных постулатов Е. Мататова? Ничем не отличаются. И служат одной и той же цели! А вот какой, проследим дальше.

* * *

*Были ошибки? Что же ныне?
Могильный камень двигать вновь?
Он в возрождённой новой лире!
Звезда зажглась вновь над судьбой!*

*2002 г. Манашир Абрамович Якубов.
Российский и Дагестанский учёный-
музыковед. Лауреат Гос. премии
Дагестана им. Г. Цадасы, канд. ист. наук,
заслуж. деятель искусств Дагестана,
почётный член «Международного
общества Шостаковича» Англии
и музыковедческого общества Японии,
собиратель и исследователь
горского фольклора в журнале
«Народы Дагестана» №1, 2002.*

Манашир Абрамович ВПЕРВЫЕ даёт конкретное определение творчеству нашего Поэта: «Среди замечательных представителей народно-песенного творчества горских евреев XIX-XX вв. выделяется Мардахай Овиолум, имя которого стало символом национально-поэтической традиции». Чётко, справедливо, мужественно!

2010 г. Галина Беньяминовна Мусаханова:
«Письмо-отзыв» на книгу Ш. Шалумова
«Легендарный Мардахай Овшолум
Сибири. 1860-1925гг.». *Израиль, Мирвори, 2009 год.*

Г. Мусаханова неожиданно многостранично (на 28 страницах и с приложениями на 8-ми страницах), на высоком духовном подъёме, так чистосердечно и активно откликнулась, включившись в процесс популяризации Народного Поэта-Защитника Мардахая Овшолума Сибири, который, впрочем, уже в то время набирал силу в прессе. Ранее, в 1993г., своим исследованием «Татская литература. Очерки истории 1917-1991гг.», указав на конкретные истоки досоветской горско-еврейской литературной культуры, теперь, этим Письмом, она, как литературовед нашей народности, углубляет и конкретизирует этот процесс.

Из этого обширного текста и наших последующих многократных общений по телефону я понял, что она прекрасно была осведомлена о всех трагических перипетиях жизни Поэта-Бунтаря и, как учёный-литературовед, всегда осознавала особое значение его творчества. Г. Мусаханова в после перестроечное время, освободившись, наконец, «от неодолимых догматов советской власти», а также, суровых оков наших нещадных феодальных общинных догм, решает сказать прямо обо всём том, что так или иначе относится к теме о зарождении основ дореволюционной литературы горских евреев. Всё, что относится к *«истории жизни и смерти нашего Поэта (Мардахая Овшолума), обозначившего своим творчеством рож-*

дение новой письменной культуры горских евреев конца XIX – начала XX века, вплоть до 20-х советских годов» (стр. 2-3).

И М.А. Якубов, и Г.Б. Мусаханова, как специалисты, авторитетные учёные – гуманитарии нашего народа, указав на истоки зарождения горско-еврейской литературы в лице его Первых Поэтов, однозначно и чётко обозначили и научно обоснованное место самого Мардахая Овшолума в успешно зачинавшейся горско-еврейской дореволюционной литературе, а в 2012 г. на практике подтвердила и кумыкская СОШ, где на уроках литературы дети 8-х классов в настоящее время изучают творчество Мардахая Овшолума.

* * *

*Своей судьбы не узнавая,
Средь дагестанских языков,
Живут стихи твои пылая,
Приобретя кумыкский кров.*

В соответствии с требованиями ФГОС, разработанными в 2012 г. Дагестанским НИИП им Тахо Годи и Министерством образования и науки Республики Дагестан творчество Мардахая Овшолума изучается на уроках литературы 8-ых классов кумыкских средних общеобразовательных школ Дагестана с 2012 г. Но Лидеры дербентских татов не только никак не отреагировали на эту новость, которой мог бы гордиться любой другой народ. Наоборот, своим сознательным молчанием в течение всех этих лет буквально засекретили такое знаменательное событие для мирового горско-еврейского сообщества, никак не отреагировав на это знаменательное событие для нашего народа. Похоже, что засекретить им такое событие удалось, возможно, только из-за отсутствия кумыкских школ в самом г. Дербенте.

2017 г. Шалум Шалумов.
«Возвращаясь к истокам...
или шила в мешке не утаишь»²¹.

«Изначально у наших лидеров не могло быть никаких причин отказываться от истоков своей литературы и вряд ли бы они от неё отказались. Но если досоветская литература всё-таки была ими вычеркнута из нашей истории, то это было сделано не из-за гипотетического антисемитизма в отношении горских евреев города Дербента, а по вполне определённым причинам. Однако, даже если Г. Мусаханова утверждала, что «Е. Мататов вычеркнул наших тюркоязычных Поэтов именно из-за их еврейского алфавита» (Письмо-отзыв стр. 20), то этого, на мой взгляд, было бы явно недостаточно, хотя косвенное значение для такого шага, возможно, и могло иметь. А вот присутствие в досоветской литературе Мардахая Овшолума, вместе с другими Первыми Поэтами, автоматически ставило его в ряды классиков дагестанской литературы. Однако это обстоятельство, при популяризации биографии Классика, рано или поздно привело бы к официальному оглашению имени его убийцы. Конечно, можно было бы убрать из неё имя Поэта-

²¹ [https://stmegi.com/library/books/vozvrashchayas-k-istokam-ili-shila-v-meshke-ne-utaish_/](https://stmegi.com/library/books/vozvrashchayas-k-istokam-ili-shila-v-meshke-ne-utaish/). стр. 54-55.

бунтаря и на этом успокоиться, но они прекрасно понимали, что существование досоветской литературы горских евреев без поэзии Мардахая Овшолума невозможно, поэтому просто убрали досоветскую литературу вместе с их родоначальниками от греха подальше. А если к тому же заглянуть в родословную так горячо расхваливаемого ими миллионера и увидеть, какое место в его родословной занимают Е. Мататов, А. Бинаев, Х. Авшалумов и ещё некоторые руководители из этого клана, то становится очевидным: ради кого и кому понадобилось вычеркивать досоветскую литературу из истории горских евреев, ради кого необходимо было объявлять Мардахая «бандитом», а Шоула Симанду – «религиозным мистиком».

Е. Мататов прекрасно понимал, что без весомого, пользовавшегося признанием в народе, значимого творчества Мардахая Овшолума невозможно было достойное существование досоветской литературы нашей народности в одном ряду досоветских литератур других дагестанских народов. Да и как бы он это сделал в той эпохе беспощадных политических репрессий, если смерть Поэта была связана с именем собственного тестя-миллионера? Е. Мататов оказался невольным заложником тех нескольких капель яда, которыми его тесть убил Мардахая Овшолума. Именно по этой причине, как ширмой прикрываясь объявлением Шоула Симанду Главным (Основоположником) среди

«др.» Первых Поэтов, этот показушный выбор дальнейшего продолжения не имел, а записываемое еврейским алфавитом творчество Поэтов, в том числе, и его самого, было беспардонно объявлено фольклором. Он сделал заложником своей личной безопасности нашу молодую, успешно развивавшуюся досоветскую литературную культуру. Е. Мататов не мог допустить официального обнародования имени Мардахая Овшолума. Чтобы факт его убийства своим тестем не стало достоянием соответствующих органов и не обнаружилось его родство с семейством миллионера, да ещё и убийцы Народного Поэта, погибшего за защиту простых людей от произвола таких же угнетателей, что всячески скрывал. Такое родство в то время было особо чревато для такого высокопоставленного коммунистического Лидера, каким являлся Е. Мататов. Опасение усугубить своё положение, к тому же всё более обраставшего паутиной преследований со стороны республиканских властей, вскоре его арестовавших как «участника антисоветской буржуазно – националистической организации», поставило его перед выбором: досоветская литературная культура нашей народности, или собственная безопасность. Ради своего самосохранения он поступился и досоветской литературой, и судьбами Поэтов, её создавших. Но увы! ... и себя не уберёт.

Выводы и определения первого исследования «Возвращаясь к истокам... или «Шила в мешке не утаишь» и данной работы – одинаковы. Если первая обосновывалась в основном собственной информативностью с самых юных лет, рассказами родных, близких и многочисленных друзей отца во время их совмест-

ных застолий, общей атмосферой яркой памяти тех лет о Мардахе Овшолуме Сибири, то настоящая работа аргументирована

дополнительными архивными материалами, не оставляющими места скептицизму.

А сомневающимся стоит заглянуть в опубликованную в 1999 г. книгу Х. Авшалумова: «Очерк истории рода Ханукаевых»²², уже не опасавшегося показать после рушения советской власти свою принадлежность к клану миллионера, где на стр. 4 указано, что Ехиил Мататов и Асоил Бинаев женаты на дочерей миллионера Ханукаева, а Хизгил Авшалумов – на его внучке. А заодно хотя бы бегло полистать (уж очень «щадящие чувства горских евреев») страницы: 11-13 и 238, 243, 246, 255, 256, 259, 260, 265, 268, 270, 272-274, 281, 287, 291-293, 298, 300, 301, 309-312, 315, 320, 331 книги Д.Ш. Рамазановой «Из истории горских евреев Дагестана 1920-1930 гг.», чтобы из протоколов очных ставок, допросов, рапортов, отчётов «Закрытого объединённого заседания бюро Дагобкома ВКП(б), НКВД...» и др. республиканских органов воочию убедиться, как глубоко увяз Е. Мататов в разборках с республиканскими властями, скрывая капиталистическую сущность своего тестя-миллионера и родство с ним. Из текста этой книги видно, что центральным органам власти до самого его ареста не было известно о его родстве с купцом Ханукаевым. Оно и понятно. В то время коммуникационные возможности, даже 120-ти километровой отдалённости друг от друга городов Дербента и Порт-Петровска (Махачкалы), были совер-

²² stmegi.com/library/books/ocherk-istorii-roda-khanukaevykh

шенно другими.

Вот один из эпизодов на стр. 256. «Тов. Мататов (спрашивает у тов. Беккер): «Скажите, если отец Ханукаева не может получить партизанской книжки – можно ли это считать репрессией? Ханукаев просил не включать его в списки лишенцев». Какая наивность! Дело в том, что, как всегда случалось в историях народов, и здесь враждебные элементы стремились проникнуть во все властные структуры новой советской власти, для чего стремились заручиться необходимыми атрибутами этой власти, как в данном случае, удостоверением «Красный партизан», которые, насколько известно, выдавались по особо строгим критериям. Поэтому в Дагестане владельцами этих удостоверений были в считанных количествах (там же, стр.166), а их владельцы, считавшиеся особо преданными новой власти, весьма почитаемы.

Некоторые вопросы, остающиеся без ответов...

*Ведь каждый знает в этом мире,
Каким бы ни был ты хорош
И чьим бы ни был ты кумиром,
Лишь свою жизнь ты проживёшь.*

Казалось бы, о каком Основоположнике» может идти речь, если отрицается и литература, и письменность, а провозглашается только фольклор? Однако, отметив имя только одного Шоула Симанду, как Главного среди других Поэтов, Е. Мататов как бы назначает его Основоположником. Правда, непонятно чего: досоветской литературы, существование которой отрицает из-за, якобы, отсутствия у нас письменности? Или того, что, якобы, как «устное стихотворство» относит к фольклору? Поскольку в наобум слепленной цитате ничего ни с чем не стыкуется, то, естественно, такому выбору Главного ни им, ни его последующими соратниками дальнейшего хода дано не было. Да никто из них и не был заинтересован в продолжении, шитого белыми нитями, откровенного афронта. Следуя содержанию своей цитаты, он, как Лидер, настолько, мягко говоря, несправедно отнёсся к достоянию своего народа, а результаты его действий настолько противоречивы и несостоятельны, что наводит на определённые размышления, вызывая законные недоумения.

1. Методическому уничтожению стихов Шоула Симанду не смогли противостоять даже двое его пишущих сыновей, старший из которых, Александр Семендуев – один из молодых успешных литераторов,

современник и соратник Е. Мататова, а в последующем и Х. Авшалумова. Не странно ли, что он, как опытный в литературе человек, наученный опытом неоднократного невозврата подлинников стихов отца, прежде чем отдавать очередные записи стихов в чужие руки, не переписывал их для сохранности, и поэтому они навсегда пропадали?

Вопрос. По какой причине многие известные поэты и писатели нашей народности разных поколений, многие из которых были современниками обоих Поэтов, переписав по своей памяти и из уст народа, безвозвратно увезённые московским учёным-филологом произведения опального Мардахая Овшолума, сохранили их для потомков, но почему-то ни один из них, или кто-либо другой, в том числе, и оба его сына, не сделали того же и в отношении хотя бы одного из утраченных стихов Шоула Симанду, хотя бы позже, раз уж они были на устах народа?

2. Ни одно стихотворение назначенного Основоположником татской литературы Шоула Симанду ни разу нигде не было опубликовано за всё время существования советской власти, несмотря на многократные старания его сына – А. Семендуева, соратника Е. Мататова и Х. Авшалумова, хотя бы с целью демонстрации предполагаемой творческой состоятельности Основоположника, как того требовала процедура.

Вопрос. По какой причине запрещённые к публикации стихи объявленного Лидерами нашей общины «бандитом» Мардахая Овшолума всё же в прессе появлялись, в т. ч., иногда и в публикуемых очерках о его защитительной деятельности, хотя в те времена в его семье таких грамотных лоббистов не было.

3. На такое знаменательное событие для нашей общины, как изучение творчества Мардахая Овшолума в кумыкских общеобразовательных школах Дагестана и Чечни с 2012 года²³, Лидеры дербентских татов до сего дня никак не отреагировали. То есть, сознательно засекретили для мировой горско-еврейской общестственности, пока автор этих строк в 2020 г случайно не набрёл на эту важную для нашего народа новость в интернете²⁴. Зато, сразу после этого события, поспешили упреждающе отреагировать статьёй от 28.02.2013 года, которая была опубликована на сайте Фонда СМЭГИ в рубрике «Горские евреи». Автор статьи уже самим названием компетентно провозглашает, что: «Шоул Симанду – Основоположник горско-еврейской поэзии», успев таким образом предпринимчиво предвосхитить приоритет, завещанный Е. Мата-ТОВЫМ.

Вопрос. По какой причине в кумыкских общеобразовательных школах Дагестана и Чечни в ряду Основоположников других дагестанских народов изучают не того, который Лидерами татов был объявлен Главным в списке татских (горско-еврейских) досоветских Первых Поэтов, а того, которого, назвав «бандитом», предали забвению и никогда наши литературные чины даже Поэтом не называли?

²³ https://stmegi.com/gorskie_evrei/posts/84298/klassika-gorsko-evreyskoy-literatury-mardakhaya-ovsholuma-izuchayut-v-kumykskikh-shkolakh/

²⁴ https://stmegi.com/gorskie_evrei/posts/85734/i-vsye-taki-shila-v-meshke-ne-utaish-/

Что-то ничего здесь не стыкуется с логикой наших Лидеров! Зато, наглядно просматривается хитро-мудрое жонглирование именем почтенного старца. Его именем Е. Мататов, прикрываясь как ширмой, ограждает себя от вышеуказанного *опасения*, связанного с убийством Мардахая в случае обнародования его имени. А в дальнейшем это же *опасение*, которое касалось в той же мере и Х. Авшалумова, вуалируется им на протяжении всего времени существования советской власти, пока оно не утратило своё значение с падением этой власти.

Ясно одно, что *если бы не эти капли яда*, унёсшие жизнь Поэта-Защитника, то имя Мардахая Овшолума Сибири, как представителя пятого письменного народа Дагестана, Академик, филолог Гаджи Гамзатович Гамзатов непременно бы озвучил в указанном ряду – *«блестящего созвездия ярких талантов, сильных личностей... (которые) ...прочно и навсегда вошли в литературную классику многонационального Дагестана»*.

Израиль, Хадера,
2023 год.

Шалум Шалумов

У попранной истины нет срока давности

Руководитель издательского проекта:
Шауль Симан-Тов.

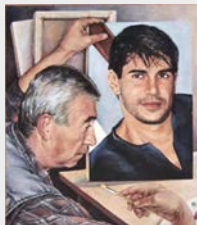
Сборник подготовлен к изданию
Центром сохранения и развития национальных тра-
диций, самобытности языка, культурного
и исторического наследия горских евреев «Sholumi»
при содействии Международного Фонда СТМЭГИ.
Выпущено Международной ассоциацией
Израиль-Азербайджан «АзИз»

Подписано к печати: 20.06.2023

Отпечатанно в Израиле.

ISBN 978-965-7783-22-1

© מרכז יוצאי אזורב"יג'ן «אזיז», 2023
© Центр “Sholumi”, 2023

Шалум
Шалумов

У поправной
истины
нет срока
давности

Сборник подготовлен к изданию
Центром «Sholumi»
при содействии Фонда СТМЭГИ.
Выпущено Ассоциацией «АзИз».

© 2023, מרכז יוצאי אזורי יג'ן «אזיז»,
© Центр "Sholumi", 2023

ISBN 978-965-7783-22-1